

Минье Франсуа Огюст

История французской революции

Том 2

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Ф82

Ф82 **Франсуа Огюст М.**
История французской революции: Том 2 / Минье Франсуа Огюст – М.: Книга по Требова-
нию, 2024. – 463 с.

ISBN 978-5-519-96714-3

ISBN 978-5-519-96714-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

добно Тьеру, что казнь Дантона была какъ бы необходимъмъ дополненіемъ казни Гебера, и не видятъ общественнаго бѣдствія въ паденіи Робеспьера. Превосходныя страницы, въ которыхъ Кине доказываетъ бесплодность террора, безвыходность его, невозможность перехода отъ казней къ свободѣ, составляютъ какъ бы подробное развитіе мыслей, мимоходомъ высказанныхъ Минье (въ главѣ IX-ой). Иногда, впрочемъ, Минье противорѣчитъ самъ себѣ; такъ напримѣръ, онъ предполагаетъ, что торжество Робеспьера, какъ и паденіе его, положило бы конецъ господству гильотины. Нѣтъ, съ того пути, по которому шелъ Робеспьеръ, возвращеніе немислимо; кровь, пролитая имъ или съ его еогласія, не могла быть забыта ни имъ, самимъ, ни другими. Законный порядокъ вещей не могъ быть основанъ тѣмъ руками, которыя создали революціонный трибуналъ и законъ 22-го преріала. «Дайте Робеспьеру еще нѣсколько мѣсяцевъ неограниченной власти», — говоритъ Кине, — «онъ воспользовался бы ими только для того, чтобы послать на эшафотъ Колло-д'Эрбуа, Бильо-Варенна, Карно, Бурдова; онъ остался бы еще болѣе одинокимъ, въ еще бѣльшей зависимости отъ тѣхъ, кто ненавидѣлъ не только его личность, но и его систему». Эти слова содержатъ въ себѣ самый справедливый и вмѣстѣ съ тѣмъ самый тяжкій приговоръ надъ всею дѣятельностью Робеспьера. Неотразимая логика Кине не оставила камня на камнѣ въ томъ пьедесталѣ, на которомъ стоитъ Робеспьеръ въ сочиненіи Л. Блана.

Катастрофа 31-го мая, имѣвшая такое громадное и такое пагубное вліяніе на ходъ революціи, возбуждаетъ въ Минье чувство сожалѣнія тѣмъ болѣе сильное, что онъ отдастъ

справедливость всѣмъ свѣтлымъ сторонамъ Жиронды; но онъ не вѣритъ, чтобы жирондисты могли спасти революцію, и считаетъ паденіе ихъ необходимымъ для торжества республики надъ внѣшними и внутренними ея врагами. «Справедливыми законами,» спрашиваетъ Минье, «могли ли бы жирондисты достигнуть того, что сдѣлала Гора насильственными мѣрами? Могли ли бы они побѣдить иностранныхъ враговъ безъ фанатизма, подавить партіи, не наводя страха, прокормить армію безъ обязательной таксы на хлѣбъ? Еслибы 31-е мая приняло оборотъ противоположный, то уже тогда наступило бы все совершившееся позже—замедленіе революціонной дѣятельности, усиленные нападенія Европы, вторичное вооруженіе всѣхъ партій, нашествіе союзниковъ и раздробленіе Франціи.» Фатализмъ Минье вводитъ его здѣсь въ важную ошибку; событія, слѣдующія другъ за другомъ, представляются ему протекающими одно изъ другаго, какъ будто бы отношеніе между причиною и послѣдствіемъ могло бытъ опредѣлено одною преемственностью фактовъ. Энтузіазмъ, съ которымъ Франція сопротивлялась союзникамъ, не былъ порожденіемъ насильственныхъ мѣръ конвента; онъ былъ естественнымъ чувствомъ народа, отстаивающимъ свою независимость, свою неприкосновенность. Онъ проявляется въ 1792-мъ году съ такою же силой, какъ и въ 1793-мъ и 1794-мъ; солдаты Дюмурье дерутся при Жеммапцѣ съ такой же отвагой, какъ и солдаты Дюгомье подъ стѣнами Тулона или солдаты Журдана при Флерюсѣ. Если въ первой половинѣ 1793 г. французскія арміи терпятъ постоянныя неудачи, то причину этого слѣдуетъ искать не въ слабости

конвента, руководимаго жирондистами, а во внутреннихъ междоусобіяхъ, главными виновниками которыхъ были монтаньяры. Интриги думы и вражда ея къ Дюмуре, какъ къ другу жирондистовъ, привели къ измѣнѣ этого генерала и ко всѣмъ бѣдствіямъ, съ нею сопряженнымъ. Геніальныя распоряженія Карно и удачный выборъ генераловъ способствовали побѣдамъ гораздо больше, чѣмъ всѣ приговоры революціоннаго трибунала. Подавить партіи, по мнѣнію Минье, можно было только устрасивъ ихъ; но развѣ подавленіе партій было необходимо? Развѣ возможно свободное государство безъ партій, развѣ однообразіе убѣжденій — высшее благо для народа? Развѣ для жирондистовъ не было мѣста рядомъ съ монтаньярами, для дантонистовъ — рядомъ съ приверженцами комитетовъ? Исходя изъ фальшиваго принципа, нельзя не придти къ ошибочнымъ результатамъ; но Минье не всегда послѣдователенъ въ своей ошибкѣ, и во многихъ другихъ мѣстахъ его книги нетрудно найти взглядъ совершенно противоположный. Онъ сочувствуетъ, напримѣръ, «старому Кордельеру» Камилла Демулена; а что такое весь «старый Кордельеръ», какъ не восторженный, краснорѣчивый протестъ противъ нетерпимости комитетовъ въ пользу свободы мысли и слова? Безъ 31-го мая — утверждаетъ Минье — наступило бы замедленіе революціонной дѣятельности, вторичное вооруженіе всѣхъ партій; но факты свидѣлствуютъ, на оборотъ, что именно 31-ое мая привело къ вооруженію партій, вызвало междоусобную войну, что терроръ, которому напрасно старались противостать жирондисты, утомилъ народъ, заставилъ его желать спокойствія больше всего и

порядка, и что замедленіе преобразовательной дѣятельности, замѣтное съ 1795 г., произошло именно по вняті побѣдителей 31-го мая. Торжество Горы было первымъ шагомъ къ возвышенію Бонапарте, и въ этомъ смыслѣ—первымъ шагомъ къ нашествію 1814-го года. Безъ 31-го мая, безъ событій, послѣдовавшихъ за нимъ, Франція могла бы водворить у себя законный порядокъ, не прибѣгая къ помощи военного деспотизма, примириться съ Европой, не возстановляя противъ себя всѣхъ правительствъ и всѣхъ народовъ. Мы далеки отъ мысли, чтобы *всѣ* ужасы террора, *всѣ* насильственные мѣры Горы и комитетовъ были *неизбѣжнымъ* послѣдствіемъ 31-го мая; относить цѣлый рядъ сложныхъ историческихъ явленій къ одной причинѣ, къ одному источнику, значило бы держаться именно той фаталистической системы, которая составляетъ слабую сторону Минье. Но съ другой стороны, нельзя отрицать, что паденіе жирондистовъ, положивъ конецъ равновѣсію партій въ средѣ конвента, открыло дорогу къ революціонной диктатурѣ, сдѣлало возможнымъ владычество думы и Робеспьера. Согласно съ Кине, мы видимъ въ 31-мъ мая одинъ изъ самыхъ печальныхъ дней въ исторіи Франціи.

Результаты 31-го мая обнаружались не вдругъ, потому что въ средѣ побѣдителей не было сначала полного единодушія. Эта сторона дѣла, едва указанная у Минье, всего лучше выставлена на видъ въ сочиненіи Зябеля. Въ борьбѣ противъ жирондистовъ участвовали всѣ отѣнки крайней демократической партіи, начиная съ Дантона и Камилла Демулена до презрѣнныхъ агитаторовъ кордельерскаго клуба. Союзъ, составленный изъ такихъ разнород-

ныхъ элементовъ, не могъ быть продолжителенъ. Дантонъ и его друзья, составлявшіе большинство въ тогдашнемъ комитетѣ общественнаго спасенія, желали умѣреннаго пользованія побѣдой, полюбовнаго соглашенія съ недовольными внутри государства, примиренія хотя съ нѣкоторыми изъ внѣшнихъ враговъ республики. Предводители кордельерскаго клуба—Ру, Леклеръ, Варле—требовали принятія рѣшительныхъ мѣръ въ пользу бѣднаго класса, включенія въ конституцію обязательныхъ цѣпей на всѣ предметы первой необходимости. 25-го іюня эти требованія были предъявлены конвенту, а 26-го подкрѣплены грабежемъ купеческихъ судовъ на Сенѣ и лавокъ въ сосѣднихъ улицахъ Парижа. Партія Марата и Робеспьера, игравшая главную роль въ событіяхъ 31-го мая и еще не распавшаяся на свои составныя части, относилась одинаково враждебно и къ политикѣ комитета, и къ притязаніямъ кордельеровъ. Она опиралась на думу и на клубъ якобинцевъ, соединеннымъ силамъ которыхъ не могла въ то время противустать ни одна власть въ Парижѣ. Требованія агитаторовъ были отвергнуты конвентомъ; безпорядки 26-го іюня остались безъ наказанія, но уже болѣе не повторялись, и кордельерскій клубъ, уступая убѣжденіямъ якобинцевъ, исключилъ изъ своей среды Ру и Леклера. Для того, чтобы упрочить свое господство, Робеспьеру и друзьямъ его оставалось только измѣнить составъ комитета общественнаго спасенія, удалить изъ него всѣхъ людей сколько нибудь умѣренныхъ и миролюбивыхъ. Обвиненія противъ комитета основывались въ особенности на томъ, что онъ оставляетъ командованіе войсками въ рукахъ *аристократовъ* (Кю-

стина, Богарне, Бирона) и вступаетъ въ переговоры съ возставшими департаментами, вмѣсто того, чтобы дѣйствовать противъ нихъ открытой силой. 10-го іюля оканчивался срокъ, на который были избраны члены комитета; новые выборы доставили большинство партіи Робеспьера. Дантонъ не былъ выбранъ вновь и удалился на время съ политической сцены; изъ числа приверженцевъ его въ комитетѣ остались только двое, Геро-де-Сешелль и Тюріо; Барреръ, поклонникъ успѣха и силы, перешелъ на сторону побѣдителей. Самъ Робеспьеръ былъ избранъ въ члены комитета только двѣ недѣли спустя, но торжество его надъ дантонистами было рѣшено уже 10-го іюля. Послѣдствіемъ этого торжества было открытіе военныхъ дѣйствій противъ Ліона и преслѣдованіе такъ-называемыхъ подозрительныхъ людей во всѣхъ частяхъ государства.

Разногласіе въ средѣ демократической партіи, существовавшее, какъ мы видѣли, уже на другой день послѣ 31-го мая, усилилось весьма замѣтно къ концу 1793-го года. Въ іюлѣ мѣсяцѣ дантонисты уступили Робеспьеру почти безъ бою, потому что видѣли въ немъ прежде всего недавняго союзника своего въ борьбѣ съ Жирондой, а также и потому, что примирительныя наклонности ихъ были въ то время скорѣе смутнымъ чувствомъ, нежели опредѣленной системой; теперь это чувство получило характеръ убѣжденія—убѣжденія въ необходимости другаго образа дѣйствій, болѣе гуманнаго и мягкаго. Отвращеніе къ казнямъ вызвало проповѣдь *милосердія*, прославившую имя Камилла Демулена, и поколебавшую, на нѣсколько минутъ, даже самого Робеспьера. Съ другой стороны, агитаторы низшаго разряда

пріобрѣли поддержку въ думѣ, сначала дѣйствовавшей противъ нихъ вмѣстѣ съ конвентомъ, и образовали новую силу, опасную даже для комитета общественнаго спасенія. Робеспьеръ, какъ и лѣтомъ 1793 г., боролся съ обѣими крайними партіями: съ дантонистами—во имя террора, съ анархистами—во имя приличія и порядка. Эта борьба окончилась, весною 1794 г., паденіемъ всѣхъ враговъ Робеспьера; но въ продолженіе ея была одна критическая минута, когда онъ былъ готовъ, по видимому, соединиться съ дантонистами и положить конецъ, вмѣстѣ съ ними, эрѣ преслѣдованій и казней. Минье подмѣтилъ эту минуту (стр. 85 и 86), но самую полную и точную характеристику ея представилъ Зибель. Не входя въ подробности, которыя увлекли бы насъ слишкомъ далеко, мы укажемъ только на то, что съ согласія Робеспьера или даже по предложенію его были приняты мѣры противъ самовластия военнаго министерства, главнаго притона анархистовъ, противъ произвола комиссаровъ, свирѣпствовавшихъ въ Ліонѣ, и наконецъ проведенъ декретъ объ освобожденіи арестантовъ, заключенныхъ подъ стражу безъ достаточной къ тому причины. Во всѣхъ этихъ мѣрахъ проявилось довольно ярко намѣреніе остановиться на томъ пути, по которому шло до тѣхъ поръ революціонное правительство, и установить нѣчто похожее на справедливость и законный порядокъ. И что же? Колло-д'Эрбуа возвращается изъ Ліона, соединяетъ вокругъ себя всѣхъ террористовъ конвента и якобинскаго клуба, возстаетъ съ трибуны противъ умягченности и снисходительности къ врагамъ республики,—и Робеспьеръ покидаетъ дантонистовъ, отрекается отъ Камилла Демулена,

содѣйствуетъ отмѣнѣ постановленій, имъ самимъ внушенныхъ, предлагаетъ усиленіе террора, черезъ нѣсколько дней послѣ попытокъ въ противоположномъ смыслѣ. Образъ дѣйствій Робеспьера въ декабрѣ 1793 г. служить лучшимъ доказательствомъ того, что Робеспьеръ не былъ ни великимъ государственнымъ человѣкомъ, ни даже великимъ гражданиномъ. Великій государственный человѣкъ не отказывается такъ скоро отъ однажды составленнаго плана; великій гражданинъ не соглашается быть орудіемъ системы, которую онъ признаетъ несправедливой или вредной для государства.

Почти во всѣхъ сочиненіяхъ, относящихся къ исторіи французской революціи, встрѣчаются указанія на то, что Робеспьеръ, въ промежутокъ времени между паденіемъ Дантона и 9-мъ термидора (апрѣль—іюль 1794 г.), стремился къ верховной власти надъ Франціей; но болѣе опредѣленные свѣдѣнія объ этомъ предметѣ сообщены въ первый разъ, если мы не ошибаемся, только Кине, на основаніи неизданныхъ еще записокъ одного изъ членовъ конвента, Бодо. По словамъ Бодо, Сень-Жюсть, въ началѣ мессидора (около 20 іюня 1794 г.) возбудилъ въ засѣданіи соединенныхъ комитетовъ (общественнаго спасенія и всеобщей безопасности) вопросъ о необходимости диктатуры для подавленія внѣшнихъ и внутреннихъ враговъ республики. Онъ надѣялся, что наемъ его будетъ понятъ членами комитетовъ и диктатура предложена Робеспьеру, но рѣчь его была встрѣчена молчаніемъ. Тогда Робеспьеръ счелъ нужнымъ выразиться яснѣе и изъявилъ готовность принять на себя верховную власть, если этого требуетъ

спасеніе отечества. Эта попытка также не имѣла успѣха; большинство членовъ комитетовъ возстало съ величайшимъ жаромъ противъ всякой мысли о диктатурѣ; Робеспьеръ былъ поддержанъ только Сень-Жюстомъ, Кутонемъ и Давидомъ, и предложеніе его осталось безъ послѣдствій. Весьма можетъ быть, что именно съ этихъ поръ Робеспьеръ пересталъ являться въ засѣданія комитета. Его образъ дѣйствій вечеромъ 9-го термидора, во время открытаго возстанія его приверженцевъ противъ конвента, показываетъ съ полною ясностью, что для захвата верховной власти ему недоставало не честолюбія, а рѣшимости и энергіи.

Замѣтимъ въ заключеніе, что хотя Минье и не чуждъ нѣкоторой слабости къ Наполеону, но слабыя стороны послѣдняго выставлены на видъ съ безпристрастіемъ, особенно замѣчательнымъ въ либеральномъ писателѣ двадцатыхъ годовъ, когда поклоненіе императору было отличительною чертою оппозиціонной литературы—именно потому, что это поклоненіе имѣло характеръ оппозиціи противъ Бурбоновъ. Минье *удивляется* императору до самаго конца его карьеры, но *сочувствуетъ* ему только до тѣхъ поръ, пока внутренняя его система не обратилась въ военный абсолютизмъ, и благосостояніе Франціи не было принесено въ жертву его личнымъ видамъ, его династическимъ интересамъ.

К. Арсеньевъ.
